
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ДЕМОКРАТИЯ ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА Борьба двух исторических проектов объединения человечества

Кацура А. В.*

В статье обсуждается концепция двух противостоящих друг другу мировых проектов объединения человечества в некую единую глобальную семью. Первый проект, базирующийся на коммунистических идеях, с 1917 г. в течение 70 лет настойчиво продвигала Россия (под именем СССР). Второй проект исторически возник раньше, но на мировую арену вышел позже, после Второй мировой войны. Речь идет об американской демократии и попытках предложить ее всему миру в качестве оптимальной модели общественного развития. Живая и причудливая история конца XX – начала XXI в. внезапно бросила Россию в «объятия» капитализма, а Соединенные Штаты стала продвигать к чему-то, напоминающему социализм. Возникла парадоксальная ситуация, одним из выходов из которой может явиться сближение и даже глобальное сотрудничество проектов, которые в прошлом веке считались непримиримыми. Впрочем, говорить нужно не просто о сближении, а об исторической попытке нащупать правильные пути для дальнейшего развития человечества, которое по ряду параметров приближается к глобальному кризису небывалого масштаба.

Ключевые слова: генный сбор, бессознательный глобализм, целевая причинность, историческое насилие, социализм, демократизация, суверенная личность, глобальный кризис.

The article considers the concept of two opposing world projects of uniting the humankind into a certain global family. The first project based on the communist ideas for seventy years starting from 1917 was persistently developed in Russia (in the USSR). The second project had emerged earlier but came to the world arena later, after the World War II. We mean American democracy and attempt to promote it in the whole world as an optimal pattern of societal development. The lively and curious history of the late-twentieth and early twenty-first centuries has suddenly thrown Russia to the grasp of capitalism while the USA started to move to something resembling communism. There emerged a paradoxical situation from which a way out may be the convergence and even global cooperation of the two projects which used to be irreconcilable. Yet, one can speak not only about a convergence but about a historical attempt to find the right patterns of further human development which in certain respects approaches a global crisis of the unprecedented scale.

Keywords: genetic collection, unconscious globalism, task causality, historical violence, socialism, democratization, sovereign identity, global crisis.

---

* Кацура Александр Васильевич – к. ф. н., член Союза российских писателей. E-mail: akar36@yandex.ru.

Генный сбор

Коммунистическое правление в течение трех четвертей века причинило беспрецедентный биологический ущерб российскому народу.

З. Бжезинский

У писателя и литературоведа Виктора Шкловского есть забавное размышление. Представьте, говорит он, что когда-то в прошлом наши мудрецы задумались: что бы такое сделать, дабы в России появился гениальный поэт необыкновенной силы? Они бы обсудили и предложили множество мер из области семьи, воспитания и образования. Единственное, чего бы им не пришло в голову, – что надо выписать прадедушку из Африки.

Марина Цветаева затронула этот немаловажный для нашей культуры мотив в стихотворении «Петр и Пушкин»:

Сего афричонка в науку
Взяв, всем россиянам носы
Утер и наставил. От внука-
то негрского – свет на Руси!

Свет на Руси – что это? Откуда? Как?

В том-то и дело, что, обладая собственной волшебной природой, это сияющее свечение не чуждалось помощи всего мира. Великая Русь принимала эту помощь благосклонно.

М. Ю. Лермонтов – потомок прославленного шотландского барда XIII в. Томаса Лермонта, в легендах о котором говорится, что был он непревзойденный поэт и музыкант, наделенный даром провидца. Подобным даром обладал и Михаил Юрьевич. Ему было всего шестнадцать, когда он написал:

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь...

Василий Жуковский был рожден пленной турчанкой.

Александр Суворов по родословной легенде – из древней шведской благородной фамилии. Его предок Сувор выехал в Россию в 1622 г. при царе Михаиле Федоровиче и принял российское подданство. Мать полководца Авдотья Манукова была армянского происхождения.

Князь Петр Иванович Багратион – из ветви грузинского царского дома Багратионов. Ветвь картлийских князей Багратионов была внесена в число российско-княжеских родов при утверждении Александром I седьмой части «Общего гербовника».

Н. В. Гоголь украинско-польских кровей. Польская кровь бродила в жилах Чайковского, Циолковского, Сикорского, Стравинского, Малевича, Шостаковича.

Создатель грандиозного *Словаря живого великорусского языка* Владимир Иванович Даль – датчанин.

Великий русский лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ – отпрыск старинного французского рода.

Александр Иванович Герцен по матери – немец.

Иван Айвазовский – армянин.

Еврейская кровь была у Левитана, Антона и Николая Рубинштейнов, Фета, Надсона, Саши Черного, скульптора Антокольского, Репина, Валентина Серова, Бакста, Шагала, Мечникова, Гершензона.

Последние русские цари по крови были немцами, и Россия при них развивалась не просто успешно, но с особым блеском культуры.

Сергей Рахманинов носил в себе толику татарской крови. Этот список можно продолжать бесконечно.

А если бы Россия предпочла национальную изоляцию? Что стало бы с ее великой культурой?

Но история распорядилась иначе. Русская земля оказалась великой генной собирательницей. Точнее, когда-то была таковой на протяжении столетий. В древности это были торговые связи, но также и бесчисленные военные столкновения славян, половцев, хазар, татар, германцев, угро-финнов. На новом, ярком витке страна невольно, но плодотворно этим занималась, по меньшей мере, со времен Немецкой слободы в Московии (XVI в.). Слово «собирательница» так и следует понимать – как открытое движение в сторону смешения в национальном котле иноплеменных генов, смешения благотворного, потому что оно несомненно способствует рождению пассионарных и талантливых людей и в заметном количестве гениев – и все это в благодатном поле русского языка и русской образности.

В какой-то момент мы в России этот волшебный процесс трагически оборвали. Последняя вспышка была в начале XX в., столь фантастическая по накалу и результатам, что «лампа» не выдержала и сгорела. Началось сползание, которое докатилось ныне до жалких, скомканных идеологических обрывков типа «национальной обособленности», «патриотизма», до нового витка культурного мракобесия, до варварского озлобления по отношению к людям умным и независимым, до заполошного вопля «Кругом враги!» (пути мрачного и, очевидно, тупикового).

Возникла в новой истории вторая великая генная собирательница – Америка. В сем немаловажном деле ей помогли не только свободолюбивый дух, но и сама история и география, поскольку обширные земли за океаном служили магнитом для предприимчивых людей со всего света. На протяжении трех столетий закипал новый необыкновенный многонациональный котел под умелым руководством англосаксонских отцов-основателей. В силу определенных причин Соединенные Штаты Америки этого удивительного процесса не прекратили по сию пору (хотя совсем недавно обозначились трудности). Результаты проявились в самых разных сферах, в том числе и в развитии наук. Например, Нобелевскую премию и в недавнем прошлом, и в наши дни во множестве получают американские евреи, русские, японцы, немцы, поляки, англичане, бельгийцы, шведы, финны... Надо было уметь собрать такой компот! (По совпадению я пишу эти строки в тот момент, когда радио сообщает: Нобелевская премия по экономике за этот год [2016] присуждена профессору Массачусетского технологического института Бенгту Хольмстрёму, выходцу из Финляндии, по физике – работающим в США англичанину Дункану Холдейну и шотландцу Майклу Костерлицу, а по литературе – знаменитому рок-музыканту и поэту Бобу Дилану – Роберту Циммерману, чьи предки из Одессы). Мы эти премии, увы, получать перестали вовсе, хотя и раньше их было немного. И едва ли при нынешней культурной политике эту печальную тенден-

цию переломим. Выращивать собственных гениев мы почему-то не торопимся, а приглашать в Россию «новых Эйлеров» разучились. Точнее, как-то вяло пытаемся, но не выходит. Социальная среда в стране нынче не та, не принимает она талантливых людей. Зато выталкивает охотно, ибо в обстановке, когда правда и ложь странным образом перепутаны, заниматься честной наукой (а другой науки не бывает) крайне трудно. А ведь когда в начале прошлого века нобелевская история только возгоралась, царская Россия (про которую до сих пор врут, что она была только «с сохой») сразу была отмечена двумя яркими премиями – Ивану Павлову и Илье Мечникову. Ничто, казалось, не препятствовало дальнейшему мировому признанию нашей тогда быстро поднимающейся науки, да и всей культуры, порывистой и блестящей. Между прочим, не так уж трудно назвать некоторых реальных претендентов на Нобелевскую премию той поры – Николай Кольцов (репликация наследственности, прообраз ДНК-РНК, 1918), Александр Фридман (на «кончике пера» открыл расширение Вселенной, 1922), Александр Чижевский (создатель гелиобиологии, автор «Земного эха солнечных бурь», 1918–1924), Георгий Гамов (туннельный эффект в квантовой механике, 1929), Николай Кондратьев (большие волны в экономике, 1925), Николай Вавилов (гомологические ряды – своего рода периодический закон в биологии, начало 1930-х), Матвей Бронштейн (квантовая гравитация, 1935), Эрвин Бауэр (автор фундаментального труда «Теоретическая биология» и принципа устойчивого неравновесия, 1935). Это далеко не полный список. Почему эти несравненные творцы остались без великой премии? А просто случился исторический обрыв, произошла страшная беда со всей огромной страной, с ее культурой, с ее разумом... Подлинное начало этой беды не столько октябрь 1917-го (насильственная смена правительства), сколько январь 1918-го – разгон Учредительного собрания. Именно это трагическое событие стремительно привело почти парламентскую страну (с ее надеждами на вменяемую демократическую политику) к жестокой и безумной тоталитарной диктатуре (которая выдавала себя за марксизм и социализм).

Что касается упомянутых гениев, то нелишне напомнить их «советскую судьбу»: Николай Кольцов затуркан, освистан неучами как «буржуазный спец», отстранен от работы и вскоре умер; Александр Фридман ушел в «возрасте гения», в 37 лет, от голода и тифа в 1925-м; Александр Чижевский надолго отправлен в ГУЛАГ; Георгий Гамов в 1932-м с трудом выбрался за рубеж, в сталинскую Россию не вернулся и был объявлен предателем (на Западе он продолжил совершать великие открытия); Николай Вавилов погиб от голода в тюрьме в 1943-м; Матвей Бронштейн – расстрелян в 1938-м, в возрасте 31 года (за что убили молодого гениального физика? В материалах короткого следствия сказано: «За создание фашистской террористической организации»). Подобные признания из арестованных обычно выбивали зверскими пытками. Но если люди и под пытками не оговаривали себя, следователи все равно вносили абсурдные обвинения в протокол). Николай Кондратьев по ложному доносу арестован в 1930-м, расстрелян в 1938-м (ему было 46 лет). Великому биотеоретику Эрвину Бауэру стукнуло 47, когда в 1937-м он был расстрелян в один день со своей женой, венгерской коммунисткой Стефанией Силард. Такова планида великих умов в большевистской России. Между прочим, за принцип устойчивого неравновесия (легшего в основу синергетики) Нобелевская премия была все же вручена – в 1977 г. ее получил бель-

гийский (!) ученый, уроженец России Илья Пригожин. Останься он в СССР, едва ли бы уцелел.

Что касается «генного собирательства» как принципа, то следует заметить, что, с одной стороны, это достаточно давняя практика, с другой – это один из четливых механизмов будущего глобализма.

«Проклятый Запад»

Путем катастроф и падений... «уголь превращается в алмаз», Россия – в Америку; в новую, а не старую Америку.

А. Блок

(из предисловия к поэме «Возмездие»)

Мы «новой Америкой» не стали. «Старой», впрочем, тоже. Зато мы и сегодня продолжаем облагораживать мир, щедро расточая свой генофонд по многим странам, но особенно в сторону «проклятого Запада». Распространенное у нас это проклятье на самом деле – нелепость. Ибо Россия – не Восток. Она тоже Запад. Или, если хотите, восточный край западной христианской культуры. Другими словами, культуры европейской (духовная форма которой отлита по матрице иудеохристианского фермента). Именно в силу этого могучего влияния Европа породила (особенно за последнюю тысячу лет) великую науку, великое искусство и великий корпус гуманистических идей. Россия и Америка оказались в поле этого влияния, и это принципиально сказалось на их развитии за последние три столетия. Если хотите, Америка – это далекий западный край все той же христианской культуры (при таком широком взгляде конфессиональные различия в христианском учении принципиального значения иметь не могут). Сан-Франциско – в той же степени город европейской культуры, как и Владивосток, причем оба города спокойно взирают друг на друга прямо через океан. Здесь можно прибегнуть и к такой метафоре: Россия и Америка – это два могучих пространственных крыла старушки-Европы, которая, таким образом, словно птица, обняла все Северное полушарие планеты.

Более четверти века прошло с той поры, когда Америка на протяжении десятилетий считалась нашим (то есть СССР) главным стратегическим противником – «капиталисты», «империалисты», «поджигатели войны», «военные базы», «Карибский кризис», «звездные войны», «агрессивный блок НАТО» и прочая риторика. В те времена в нашем общественном сознании господствовала не только идея паритета, экономического и военного (на самом деле иллюзорного), но и – того хуже и страшнее – жила мысль (ложная, но кем-то мощно навязанная) о том, что трудности наши временные, что «социалистический» путь наш велик и праведен, что вот-вот мы нашу «плановую» экономику еще выше поднимем, через горную кручу переползем, Америку и империалистов в мирном соревновании пересилим и весь мир убедим (заставим?) жить нашими коммунистическими ценностями и по правилам нашего общежития. В лице Америки мы – социалисты-коммунисты-интернационалисты – бросали в ту пору вызов всему миру.

Через три десятилетия странным образом круг замкнулся.

Мы, исторически плутая и спотыкаясь на протяжении последней четверти века, странным образом вернулись к этой дерзкой и одновременно вздорной идее, но в гораздо более слабой позиции – и в геополитическом, и в экономическом,

и в интеллектуальном смысле, – заменив «социализм» и «интернационал» на «оскорбленные чувства верующих» и «патриотизм» (слово неоднозначное и в своем грубо-воспитательном смысле близкое душе какого-нибудь Угрюм-Бурчева). Оказалось, что в сознании еще очень многих людей продолжается фантомный бой с Америкой, якобы главной силой «проклятого Запада» (целая армия пропагандистов брошена на бой с этой «проклятой силой»). Но старые основания для подобного боя размыты, а новые – нелогичны, противоречивы и во многом иррациональны. Прежде «социализм» сражался с «капитализмом», утверждая, что именно он – будущее человечества. И это – пусть и в рамках искаженной идеологии – еще как-то можно было понять. Но сегодня и мы – «капиталисты», мы охотно сверкаем новоявленными олигархами с их дворцами и яхтами, причем иные покруче американских. Более того, «счастливого будущего» для всех землян в обязательном порядке мы уже не предлагаем. Мы и свое-то видим в тумане. Так о чем же спор?

О «суверенной демократии»? Об откате назад, в «национальные квартиры»? Или о новых союзах и блоках? Об условиях торговли? О глобальном потеплении? О противоречиях и минусах плохо продуманной глобализации? О кровоточащих язвах на внутренних границах бывшего СССР? Надо сказать, что язвы эти практически неизбежны, поскольку границы проводились большевистскими властями не просто «от фонаря», но со злодейским умыслом, когда часть этноса специально приписывалась соседней республике (дабы их «крепче сшить»). Увы, эти очаги напряжения сохранились и время от времени кровоточат – Карабах, Приднестровье, Осетия, Абхазия, Восточная Украина, Крым, Северный Казахстан, узбекский город Ош, прирезанный к Киргизии, и т. д. . . Так о чем, повторяю, спор?

Или – в старо-новой стилистике – воскресает, словно из пепла, «тактическое хвастовство», граничащее с наглостью – наподобие цирковых силачей, – чьи нервы и «термоядерные мышцы» крепче?

Я пишу эти строки, но современные ветры врываются в окно. Еще вчера мы поносили «жуткую» Америку Обамы. Но вот сегодня президентом неожиданно избран Дональд Трамп – наша Дума аплодирует (почти по-лакейски), но чему? Ведь скоро наступит отрезвление. И Конгресс не ослеп внезапно, да и сам Трамп – отнюдь не «добренький дурачок», а деятель, сосредоточенный на американских интересах. Что касается нашей политики, то она почти целиком построена на «большом внешнем враге». Кроме Америки здесь придумать практически некого, поэтому есть опасность, что все вернется на круги своя. Но ради будущего хотелось бы этого возврата (к некоей «малой холодной войне») избежать. И возможности такие открываются. Надо проявить ум и волю, чтобы ими воспользоваться.

Но есть и второй, более глубокий, уровень ответа. Во имя чего разыгрывается это фантомное сражение? Каковы здесь ставки и цели? Казалось бы, мы, россияне, как вменяемые и здравомыслящие люди должны относиться к Штатам пусть и критично, но вполне на уровне здравомыслия и даже благожелательно. Почему бы нет? В конце концов, это самая старая и деятельная демократия, которая, пусть не без ошибок и серьезных просчетов во внешней политике, все же стремится к некоему разумному мироустройству. Ведь всякому здравомыслящему человеку понятно, что идея о том, будто Америка хочет захватить или подмять под себя весь мир, лжива и пуста. Ибо желание предложить миру свою модель

(успешную на протяжении двух с половиной столетий) не совпадает с формулой «захватить и подмять».

Впрочем, это не отменяет того, что ныне Америка очевидным образом заплутала, наломала дров, испытывает серьезные политические и финансовые затруднения и сама нуждается в помощи (прежде всего моральной). Хуже того, зашатался образ «американской модели», принципы «либеральной демократии», еще вчера казавшиеся эталоном, сегодня уже не выглядят единственным для всего мира образцом устройства национального дома. Примерно две трети человечества то ли не готовы, то ли не хотят, то ли исторически не предназначены для подобного политического режима. У них стойкая аллергия на «поборников свободы». Иные американские миссионеры демократии с удивлением и даже недоумением на это смотрят. Но ответа пока найти не могут. Впрочем, весь мир ответа на этот вопрос дать не в состоянии. А в самой Америке уже многие ведущие политики громко высказываются против навязывания демократии другим странам и народам.

Заметим, что мы с Америкой никогда не воевали, в двух мировых войнах США были нашим военным союзником, сражались храбро и беззаветно (а их помощь в рамках ленд-лиза вообще трудно переоценить). К тому же Америка совсем не так далека от нас ментально, как это иногда пытаются представить. Есть немало общих черт между нашими народами (у них, так же как у нас, широта просторов сочетается с душевным размахом). Более того, есть, например, свидетельства, что великая американская литература XX в. в духовном плане во многом является наследницей великой русской литературы (что не раз отмечали видные американские писатели). Но, если глянуть глубже, взаимные токи текли в обе стороны. Например, философская проза Ральфа Эмерсона благотворно повлияла на мировоззрение и творчество Льва Толстого.

И в планетарном смысле у нас много общих целей с Америкой. Однако толерантная благожелательность к заокеанской стране гнездится лишь в верхних слоях сознания нашего общества – там, где имеет место влияние воспитания и образования, где существуют некий набор общедемократических представлений и склонность к элементарному анализу. Копни же чуть глубже – в личное подсознание, в коллективное бессознательное – там все наоборот, там этот бой идет не прекращаясь. Там многое рассыпается в прах – и демократические навыки, и поверхностные принципы благовоспитанности. А порою там оскаливаются такие звериные рожи! Но кем и с какой целью навязаны нам эти первобытные инстинкты, эти пещерные тени?

Русский проект

Коммунизм – это маскировочная шкура, наброшенная на имперские аппетиты России.

Х. Ортега-и-Гассет

Россия, провозгласив себя в начале XVIII в. империей, продолжила расширение и без того гигантской своей территории. В начале XX в. это расширение внезапно и круто изменило свою идеологию. За одну историческую секунду (в течение нескольких месяцев) царизм сменили на «коммунизм». Мистически одаренный философ и поэт Даниил Андреев, отнюдь не сочувствовавший коммунизму,

тем не менее не мог не отметить глобальных по замыслу и масштабу претензий этой доктрины («Пролетарии всех стран...»): «Россия стала первой страной, вооруженной такой идеологией, которая могла бы, в принципе, распространиться на все страны земного шара. Даже больше того: в Доктрине был заложен такой импульс к расширению, который предполагал своим пределом именно только границы планеты. Когда мы говорим о мировых империях или мировых претензиях великих завоевателей прошлого, от Чингисхана до Наполеона и Британской империи, мы употребляем слово “мировой” в значении условном. Революционная Россия с ее Доктриной была первой в истории носительницей мировой тенденции в совершенно безусловном смысле. Секрет же заключался в том, что вместо мечты о всемирной гегемонии какого-либо отдельного народа (мечты утопической, ибо ни один народ не достаточно многочислен для этого) теперь прокламировалась идея всемирного содружества народов, объединенных новым социальным строем, который должен был возникнуть везде в результате революционных взрывов» [Андреев 1993: 232].

Что касается слов испанского философа о «маскировочной шкуре», то полностью с ними соглашаться не следует. Не слишком вдаваясь в историю русской культуры, он не обратил внимания на связь (отчасти загадочную) одного из архетипов русского подсознания с идеей «всемирного братства». Истоки этой глубинной установки безусловно читаются в словах Апостола Павла из Послания к Колоссянам: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3:11). Распространению этого принципа в глубоких слоях коллективного бессознательного способствовало удивительное учение, которое серьезные богословы определяют как тайное ядро православного мироощущения. Речь идет о редко упоминаемой в поверхностных слоях культуры православной мистике, сконцентрированной в традиции исихазма (от греч. *исихия* – спокойствие, тишина), об *аскетической и монашеской практике, направленной на «богопознание» и «обожение»* (последнее слово не обязательно трактовать сугубо церковно, его можно понимать как искреннее стремление внутренне приблизиться к высокому и светлому идеалу). Исихазм позволяет уходить от внешнего мира сколь угодно глубоко, но при этом парадоксальным образом в главной точке погружения сила и острота зрения и мысли не исчезают, но, наоборот, нарастают. Это «безмолвие деятельное», это «трезвение и подготовка к борьбе». При этом словно какие-то незримые лучи освещают саму преисподнюю сознания. И лучи эти предельно добры, они накрепко связаны с идеей Блага. В полной мере дано это, разумеется, немногим (наиболее звучные имена очень хорошо известны – Сергей Радонежский, Андрей Рублев, Нил Сорский, Серафим Саровский...). Это трудный путь и рискованный, что, однако, не помешало ему утвердиться в национальном бессознательном. Этим, по-видимому, и объясняется та легкость и даже восторженность, с которой российские массы приняли марксистскую доктрину (даже в ее псевдомарксистских одеждах) – ведь речь шла о стремлении к идеалу, причем эмоциональный экстаз здесь заметно преобладал над рациональным анализом.

Ошибка была в другом. Ставка была сделана на насилие. Владимир Ульянов-Ленин и его последователи стали трагическими заложниками сильных, но опасных и исторически ошибочных заключительных слов «Коммунистического манифеста»: «Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и

намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией». Во что эта революция обойдется самим пролетариям, авторы этих слов вообразить себе не могли.

Была и вторая ошибка, не менее существенная. Несмотря на постоянные заклинания, почти мантру о «живом творчестве масс», в попытке переделать и мир, и человека усилия большевиков были направлены не на развитие личностного начала в каждом участнике сего грандиозного процесса, а на управляемую вождями и даже манипулируемую ими толпу. Подобный путь изначально был обречен на поражение.

Да, нередко коллективное подсознательное работает жестко. В данном случае оно обреченно идет по пути давно проложенной исторической колеи, первые промоинки которой заметил Алексис де Токвиль еще в первой трети XIX в. Не он ли прозорливо написал, что в предстоящем XX столетии одной половиной мира будут командовать русские, а другой – американцы? На фоне просвещенной Европы, писал он, эти два народа пока не слишком заметны, но они столь быстро и уверенно шагают, что именно им предстоит в будущем делить между собою мир. Что ж, француз оказался прав – в середине прошлого столетия так и оказалось. С 1950 по 1990 г. две атомные супердержавы оспаривали господство над миром, каждая предлагая свою жизненную модель. Американцы – либеральную демократию, Россия – коммунизм (но уже не Марксов, а «марксистско-ленинский»). Это были два великих проекта. Никто из народов ничего подобного ранее не двигал.

На протяжении полувека обстоятельства радикально изменились. Советской супердержавы нет. Принцип независимой личности оказался сильнее принципа коллектива, в котором личность растворена. Но национальное подсознание инерционно. В России оно по-прежнему не слишком готово к рациональному анализу. Веруя старым пещерным теням и особому своему мессианскому предназначению, массы, исповедующие древний принцип *вождь и коллектив*, продолжают сражаться с ветряными мельницами и способны загнать страну в исторический тупик.

Но если вопрос о «проекте для всего мира» поставить конкретно, в плоскости реальной геополитики, то уместно спросить: сколько еще стран сознательно или бессознательно готовы выдвинуть подобный проект (другими словами, желают навязать миру свои ценности и свою модель жизнеустройства)? Таких претендентов, «глобальных игроков», кроме США и России (недавнего Советского Союза), сегодня немного. А может, и вообще нет.

Объединенная Европа? Это безусловный полюс силы (мощная экономика, выстрадавшая на протяжении столетий либеральная идеология, высокоразвитая культура), при этом он представляет собой новейший опыт мирного объединения стран в единый союз. Но одновременно это лоскутное одеяло и, как оказалось, не очень прочное. Исторически совсем молодой союз основательно поглощен своими внутренними проблемами, к которым добавились беспокойные внешние. Уже оформившийся выход Великобритании усилил эти страхи. Иные поговаривают уже о признаках возможного распада. Возникает впечатление, что старушка-

Европа большую часть своих творческих и геополитических сил отдала своим крыльям – западному и восточному.

Считается, что к концу XX в. восточное крыло проиграло великую войну (уже в ее холодном варианте). Однако допустима другая формулировка с довольно внятной исторической логикой: во-первых, войну проиграла не Россия, а коммунистическая империя, а во-вторых, не столько уступила противнику, сколько сама развалилась в силу предельной неэффективности системы. Историческая Россия от этого только выиграла: сбросив псевдокоммунистическую шкуру, она приобрела невиданную прежде свободу. Выход, правда, оказался трудным и противоречивым. Вот почему вопрос о здоровом использовании этой свалившейся свободы населением страны на время повис в воздухе.

Предлагают ли мировой проект страны ислама? Это внушительная часть политической карты мира, более 50 государств. У них грандиозные аппетиты (при необузданной воинственности с заметным средневековым ощущением мира), но им крайне сложно объединиться – не только экономически и этнически, но и религиозно. Более того, у них непрерывные духовные распри, порождающие конфликты и локальные войны, сопровождающиеся выплеском во внешнее пространство энергии террора. К тому же традиционная исламская культура последних столетий не создает питательной почвы для развития наук и технологий, ввиду чего все это необходимо ввозить из развитых стран. Частичный выход из тупика они почти инстинктивно нащупали в виде беспорядочной слепой миграции, своеобразного захвата мира методом «беженцев». Именно это мы сегодня наблюдаем. Это плохо контролируемый, наполовину хаотический процесс. Европе и еще нескольким соседним странам он доставит немало хлопот. Однако это не позволяет сделать вывод о реальном весе исламского полюса силы. Речь идет скорее о необычном и далеком от позитива варианте сетевого процесса. Но главное здесь в ином: ислам (кроме безумного лозунга «уничтожить неверных») не предлагает внятной мировой модели жизнеустройства. Шариат по очевидным причинам такой моделью являться не может.

Нет, не когортой боевой
На сей раз шло завоеванье,
А диких беженцев толпой
Шел Халифат на мирозданье.
Как слепотой поражены,
Их всех без боя пропускают.
Колонны вражеской орды
Собой Европу заселяют.
Горит земля от них кругом,
Стенают местные: доколе?!
Что заработали трудом,
Отдать заставят поневоле.
Все мертво посреди степей,
Теперь в Германию скорей,
Да к Скандинавии бескрайней.
Тут стоны жен, и плач детей,
И муэдзина крик печальный.

А можно ли как новый полюс силы и как автора новой мировой модели рассматривать огромный Китай, внушительный уже сегодня и продолжающий крепнуть? С одной стороны, высказываются опасения о возможном китайском натиске на прилегающие земли, да и на весь мир, с другой – историки знают, что на протяжении тысячелетий это замкнутая самодостаточная страна, которой всегда хватало собственных пространств. Нынешний Китай отчетливо понимает свое величие, но это не подвигает его к воинственной риторике, более того, его внешняя политика дышит спокойствием, благоразумием и даже осторожностью. Слоном в посудной лавке эту страну никак не назовешь. Впрочем, это не мешает китайцам размещать в нужных им точках полигоны ракет с ядерными боеголовками, причем о целях для этих ракет не говорится ни слова. Есть еще и третий момент: уже давно имеют место стихийная миграция, неспешное просачивание китайцев сквозь границы самых разных стран, многочисленные китайские колонии во многих крупных городах мира и т. п. Если все это системно взвесить, то станет ясно, что в целом картина далека от простоты. Здесь есть над чем поразмыслить. Тем не менее о единой «китайской модели» для всего мира речи нет и в помине.

Возникает серьезный вопрос: возникшая новая Россия (формально демократическая и рыночная) освободилась ли от вековечного стремления не просто ощущать себя мировым полюсом силы, но и – якобы во имя защиты суверенитета – демонстрировать это доступными ей способами (иные из которых как раз напоминают слона в лавке)? Готова ли она отказаться от бряцания оружием, от воинственной риторики, от военных авантур как на собственных границах, так и в иных точках планеты? О, как хотелось бы о подобной готовности думать «цивилизованному Западу», то есть той Атлантической, Белой, христианской цивилизации, к которой Россия принадлежит и в историческом, и в расовом, и в культурном отношении. Разве не настало время эту «возмутительницу спокойствия», эту лохматую, норовистую страну причесать, принарядить и указать ей почетное, но соответствующее ее реальному весу место в ряду цивилизованных стран? Но таковое, к вящему огорчению стран Атлантики, еще не стало реальным фактом.

Есть очаги напряжения в мире, есть... Есть весьма тяжелые проблемы типа радикального исламского терроризма. Но все они – даже в наиболее жутких вариантах, когда кровавое безумство помножено на средневековую дикость – не грозят планете мировым пожаром. Не совсем так с Россией – с ее тысячами ядерных боеголовок и фантомными имперскими болями. Вот где требуется политика крайне взвешенная и осторожная. Однако впадшая в некий новый авторитаризм страна, опираясь не то на концепции надуманного неоевразийства, не то на отдающую национализмом идею «русского мира», не то на мутную идею «суверенной демократии», а на деле ради возврата хотя бы малой части прежних колоний и слабого отблеска прежнего «имперского» величия готова не только к отказу от соблюдения международного права, но даже и к локальным войнам. Как такое могло случиться? Почему? Атлантический, христианский, демократический Запад этого не ожидал. И оказался достаточно слеп. Дело в том, что современная Россия все еще остается в значительной мере заложницей имперского фантома – «православие-самодержавие» плюс весьма условная «народность» плюс тайная вера во «всемирное братство», к установлению которого мы «исторически обязаны приложить свою руку». Однако нынешнее соотношение демографических, экономических и военных сил в системе «Россия – Запад» от прежнего величия почти ни-

чего не оставило. Но сама Россия (что правители, что народная масса) ни осознать, ни признать это пока не в силах. Ибо имперский импульс заложен весьма глубоко, он запрятан в нижних слоях уже упомянутого коллективного подсознания, которое оказалось поразительно устойчивым и которое рациональному анализу не слишком поддается. Вот почему многое в поведении нынешней России кажется иррациональным, да в сущности таким и является. Есть основания думать, что это обстоятельство составляет (наряду с исламским экстремизмом и международным терроризмом) основное содержание новейшей эпохи – ближайших лет, а может быть, и десятилетий.

Взгляд из будущего

Одна лишь мысль о завершенной, целостной истории может придать смысл отдельному историческому событию.

Э. Мунье

В свете очевидных тенденций объединения мира (которые далеко не всеми приветствуются, но объективный характер которых отрицать невозможно) несколько по-иному выглядят многие события минувших столетий. Историческая необходимость пресловутой глобализации вытекает из фундаментального противоречия между растущим человечеством и конечностью нашей родной планеты. Когда К. Маркс и Ф. Энгельс писали свой знаменитый «Манифест», на всей Земле жил всего один миллиард человек. Прошло всего полтора века, а нас уже всемеро больше. Планета занята практически вся. Неосвоенных земель больше нет. В сложившейся ситуации страны и народы вынуждены договариваться. Формы договоров могут быть самыми разными, но общую логику процесса, опирающуюся на здравый смысл, можно изложить в виде трех взаимосвязанных тезисов:

- все страны и народы должны жить в мире;
- они должны обмениваться товарами, научными открытиями, технологическими достижениями и культурными ценностями;
- при взаимодействии культур более развитые должны благотворно влиять на менее развитые, что не отменяет равноправного диалога, ведущего к общему развитию всех.

Именно в этом тройном должествовании состоит фундаментальная логика глобализации. Хотел бы я посмотреть на тех политологов, которые осмелились бы какой-то из этих тезисов оспорить. Но это вовсе не отменяет того, что сама глобализация являет собою процесс сложный, противоречивый, в чем-то болезненный, изобилующий недостатками или прямыми человеческими ошибками. При этом ему, как и многим иным историческим процессам, присущи фазы подъема и провала, наступления и отката. Я бы не удивился, если бы нашелся гениальный «новый Кондратьев», который открыл бы «большие волны», характерные именно для этого процесса.

Сегодня, во втором десятилетии XXI в., мы, земляне, в отношении глобальных волн находимся в очевидной фазе отката. Мы вынуждены фиксировать (некоторые – с откровенным недоумением), что у глобализации множество противников в разных слоях общества и в разных уголках планеты. Для многих пресловутая глобализация – это опасение быть завоеванным превосходящей внешней

силой, страх исчезновения собственной культурной идентичности. Даниил Андреев глубоко понимал это еще в середине прошлого века. Не случайно он упоминает «возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира – это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству “князя мира сего”, к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву» [Андреев 1993: 10].

Ныне мы все более отчетливо видим, что грубый, силовой способ объединения мира или его отдельных регионов прямо на глазах уходит в прошлое – что, увы, не исключает сегодня и в ближайшем будущем неприязни, вражды, террористических выпадов и даже отдельных локальных войн. Логике этого неприятного процесса отчасти можно понять. Мир не готов к объединению из-за наличия большого числа сырых, рыхлых территориальных образований, неких полугосударств, еще несущих из прошлого этнические и культурные противоречия и варварские обычаи. Но из рыхлых кирпичей прочного здания не построишь. Вот почему идет болезненная притирка отдельных областей и регионов, не до конца вызревших культур и идеологий. Идет трудный поиск таких зрелых единиц, которые лишены тяжелых внутренних конфликтов и которые смело смотрят в будущее, открыты дружескому и плодотворному объединению.

Великое христианское кольцо

Если ты построил воздушные замки, это вовсе не значит, что твой труд пропал напрасно: именно так и должны выглядеть настоящие замки. Осталось лишь подвести под них основание.

Г. Торо

Присмотримся внимательнее к некоторым событиям XVI–XVII вв.

Несколько столетий русские люди упорно шли на восток. Зачем? Кто их гнал? Ведь даже европейская Россия была практически пуста, Заволжье, калмыцкие степи... Но прошли огромные азиатские пространства и вышли к океану. Переплыли его и достигли Калифорнии и Аляски. То же и американцы. Переплыв Атлантический океан, они два столетия упорно шли на запад, вышли к другому океану. Возникает загадочное впечатление, что пионерская экспедиция «Мэйфлауэра», то есть исход отцов-пилигримов на запад, и поход русских казаков в Сибирь и на берега Тихого океана словно бы преследовали общую глубинную цель, на уровне здравого смысла неосознаваемую, – выстроить и замкнуть некое цивилизационное кольцо. Совершали это уроженцы Европы, представители двух ее крыльев: люди христианского вероисповедания, протестанты, с одной стороны, и православные – с другой. Но в беспримерном этом религиозно-географическом стремлении догматические споры конфессий не могли иметь особого значения. Сравнительно недавно, каких-то двести лет назад, русские и американцы встретились на Аляске и в Калифорнии. С тех пор Сан-Франциско смотрит поверх необозримой толщи вод в сторону Владивостока. Русский город Петропавловск со сво-

его холодного огнедышащего полуострова смотрит сквозь океанскую дымку на Сиэтл и Ванкувер.

Взглянем на глобус. Пространство между тридцатой и шестидесятой параллелью выглядит кольцом, которое надели (или даже нахлобучили) на Северное полушарие. Это пространство благодатных земель, не слишком жарких, но и не слишком холодных. По северной линии в цепочку выстроились Рейкьявик, Дублин, Глазго, Осло, Стокгольм, Хельсинки, Петербург, Якутск, Магадан... Ближе к югу кольца им отвечают Вашингтон, Нью-Йорк, Балтимор, Норфолк, Мадрид, Рим, Афины, Салоники, Пекин, Сеул, Токио. Еще южнее, по самой кромке кольца, идут Лос-Анджелес, Хьюстон, Новый Орлеан, Триполи, Каир, Иерусалим, Басра, Дели, Лхаса, Шанхай... Кольцо это – главная суша планеты. Именно здесь сложилась цивилизация, новая и новейшая в особенности. А с точки зрения географии конфессий именно в этих пространствах сложилась и существует по сию пору культура христианская. Она же – европейская. На самом деле это одно и то же.

Здесь имеет смысл вспомнить фразу К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что революция в России может послужить запалом для революции мировой (из предисловия к русскому переводу «Манифеста»). Когда были сказаны эти слова, мальчику Володе Ульянову в провинциальном городе Симбирске исполнилось двенадцать лет. Через три-четыре года он их прочтет, и они захватят все его существо. Эта мысль определит тактику и стратегию его жизни, а также финальную цель, к которой он будет пробиваться с фантастическим (и фанатическим) упорством. Когда случится Октябрьский переворот, не пройдет и двух месяцев, как А. Блок устами своего героя, длинноволосого писателя, прошепчет: «Предатели! Погибла Россия!» Только что разогнали Учредительное собрание, никто еще ничего не понимает, а поэт Блок не только видит и знает, но и сообщает стране и миру, что Россия погибла. Во всяком случае, от той России, в которой выросли, которую любили Блок, Бунин, Куприн, Бердяев, Рахманинов, Шаляпин, Стравинский, Репин, Цветаева, Анна Павлова, Прокофьев, Сикорский, Зворыкин и тысячи других славных сынов и дочерей земли своей, останутся одни клочки. Тот чудовищный монстр, который вскоре зашевелит своими усами и мохнатыми лапами на ее развалинах, даже постесняется принять ее имя. Он будет называть себя выдуманной аббревиатурой, не имеющей какой-либо географической или национальной привязки. Он будет гордо (и даже нагло) раздувать щеки, называя себя явлением *всемирным*, но вранье это долго (по историческим меркам) не продержится. И все рухнет. Быстро побегут десятилетия. Но и сегодня остается признать, что страна, которая ныне пытается называть себя Россией, той исторической Россией тоже не является. Бесы еще не изгнаны.

Что ж, четырехсотлетний эксперимент по оккупации, по взятию в плен собственного народа, по превращению его в раба даром испариться не может. Россию нынешнюю поставить на правильные рельсы будет стоить невероятных трудов (нужны, как майский дождь, неожиданно проснувшийся в своей творческой свободе народ и гениальный президент – умный и по-человечески порядочный). Но историческое счастье (точнее, надежда) в том и состоит, что иногда чудеса сбываются. Это редкая, но важная особенность нашего мира. Это надо понимать.

И относиться к этому нужно с душевным теплом и с готовым к озарению мозгом. Даже на Небесах понимают, что без свободной и творчески действующей России удержать планету в порядке возможности нет.

Вернемся в этой связи к образу нахлобученного на земной шар кольца. На средней линии этого кольца разместился не только осевой ареал земного сердца, но и почти все страны и народы, создавшие культурный фонд современного человечества. Грандиозные постройки, распаханные поля, дворцы и храмы, религиозные доктрины, великие мыслители Осевого времени и последующих столетий, науки и ремесла, живопись и музыка, театр и поэзия, морские экспедиции и землепроходцы, игры и человеческие причуды – все это родилось и процветало фактически в пределах данного поистине великого Кольца.

Да, планета надежно окольцована. Почти как Сатурн. Но в ином смысле.

Мы уже видели, что в окончательном замыкании этого кольца главную роль сыграли русские и американцы. Когда в середине XX в. европейской части кольца (казалось бы, сердцу ее культуры) стала грозить античеловеческая чума в худшем ее языческом проявлении, именно американцы (в союзе с британцами) и русские протянули друг другу руки. Они вместе воевали против озверевшей Центральной Европы. Той Европы (позорно, жутко изменившей самой себе, предавшей элементарные идеалы человечности), точнее, той части Европы, которая, впад в кровавое неоязычество, пыталась отринуть Христову истину – во имя националистического безумия, во имя Освенцимов и Бухенвальдов, во имя Саласпилса и Бабьего Яра. И вместе победили. И на дымящихся развалинах Европы сошлись в теплом рукопожатии. Про холодную войну временно забудем, это была печальная историческая инерция (противостояния двух вековых проектов), почти неизбежная. Вопрос заключался в том, как ее преодолеть, не сползая в новую бойню. Ведь когда Европа вернулась к относительному человеческому порядку, стали возникать (поначалу робко) идеи единой планетарной семьи. Если задуматься сегодня об устойчивости описанного выше Кольца, то становится ясно, что роль Америки и России здесь по-прежнему первостепенна. Из всех рассмотренных выше сценариев планетарного объединения живую силу сохраняет лишь один – стратегический союз США и Российской Федерации. Но уже не для завоевания мира – ни в коем случае, а для его процветания. Это не союз против кого-то третьего, а союз для пользы всех. Этот союз есть некое принципиальное расширение союза Атлантического. Здесь нет противоречия. Россия – по глубинному смыслу культуры своей – страна атлантическая. Другими словами – европейская и христианская. То, что более половины ее находится в Азии, что другим концом она выходит к Тихому океану, ничего не меняет. Америка тоже одним из концов выходит к тому же Тихому океану. Как раз здесь и торжествует идея Кольца.

Я знаю, что мысль эту сегодня многие не поймут и не поддержат как в самой Америке, так и в иных краях планеты. Причины этого понятны, их три: во-первых, Россия экономически слаба, почти ничтожна (несколько процентов от экономики Запада); во-вторых, эта слабая страна кичится военной силой и ведет себя неадекватно, порою просто по-хулигански. Но есть высокая надежда считать последнее явлением временным и – по отношению к истинной глубине русской культуры – поверхностным. А все поверхностное смывается и неожиданно, и

быстро. При этом важно осознать: сохранение целостности России – в интересах всего мира. Ибо за этим кроется воистину человеческий мировой порядок. Третья причина – недоверие, даже нелюбовь к Америке, гнездящиеся в разных краях планеты. Что ж, перед Соединенными Штатами стоит насущная задача – вменяемой политикой это доверие к себе вернуть.

В метахристианском поле существуют три центра ментальной силы, они же три центра веры. Иудаизм – как дохристианская религия. Ислам – как послехристианская. Ну, и само христианство – как средний член. Последователи Мухаммеда с невиданным упорством сражаются на два фронта. Они считают, что правда в этом великом поле одна, и это – их правда. Они полагают свою религию новейшим изданием в истории и, следовательно, самым верным. Но они не задумываются о возвратных волнах истории. Ведь по их логике чем новее ересь, тем правдивее (тогда следует почитать всякого рода новейшие ереси, коих только за последние два столетия возникло множество). По милости боевитых мусульман борьба ныне развернулась нешуточная. С иудеями ясно. Их монотеизм был велик. Он и сегодня хранит черты величия, но кое-что стареет прямо на глазах. Ветхий Завет и вправду несколько обветшал. Это великий текст, но его уже возможно читать просто как потрясающую литературу. Талмуд, хасиды? Экзотично, но старомодно. Каббала? Развлечение для юношей. Христианство возникло в пространстве иудаизма как ересь. Как очередная смута, которых в истории любой религии немало. Но постепенно становилось ясно, что это не столько ересь, сколько потрясающий миф, наделенный невиданной ранее гуманистической глубиной. Это была великая очищающая революция (ортодоксальные иудеи не должны обижаться, ведь это они придумали христианство). Последующие века гонений на иудеев – печальная историческая aberrация (которой, надо надеяться, все-таки приходит конец, и в этом главный смысл небывалого исторического события – восстановления через две тысячи лет (!) государства Израиль). На деле же христианская страстная мысль – не столько в церковном смысле, сколько в общекультурном – открыла людям поразительные перспективы развития. Именно эта культура вела к великому искусству, к непередаваемо смелой науке, к фантастически глубокой идее богочеловека и богочеловечества, открывшей просторы истинного гуманизма.

Идеи Кольца не противоречат мирное существование или даже развитие буддизма, индуизма и других мировых религий. Скорее они системно дополняют общемировое пространство веры. Чуть сложнее с исламом. Вспомним, однако, что в Коране присутствуют и пророк Моисей, и Дева Мария. Это тоже авраамическая религия, поэтому плодотворный союз с ней не только возможен, но и желателен. Поэтому речь не должна идти о войне с исламом как таковым. Настала пора ставить вопрос о новом и широком экуменизме, когда церковные верхи примут серьезные попытки для мирного объединения народов и конфессий. В этом смысле к Кольцу должны присоединиться (в духовном смысле – на равных) все *религии света* (именно эту мысль выдвигает Даниил Андреев, а сам союз светлых религий обозначает как Розу Мира).

Что обычно называют чувством *веры*? Это объективные волны в области духа и духовности, и напрямую с успехами наук они не связаны. Более того, сейчас сама наука (в наиболее продвинутых областях – космологии, космической антропологии, генетике, теории вероятностей, квантовой физике) отваживается на по-

иски оснований мира и его эволюции за пределами традиционной материальности. В научных журналах и книгах последних лет вполне здраво и в традициях научного дискурса ставится по-новому важнейший вопрос (выше он уже не раз упоминался) – о «разумном замысле мира», о Вселенной как «сетевом сознании», о «целях» эволюционного развития, о вероятностных основаниях самопроизвольного развития сложных систем. В этом смысле наука очевидным образом сближается с некоторыми направлениями «богословской диалектики». Одним из ярких примеров подобного сближения служит творчество крупного антрополога и философа XX в., убежденного христианина и даже члена «Общества Иисуса» Пьера Тейяра де Шардена. Не избегали религиозных мотивов при обсуждении устройства мира Иван Павлов, Владимир Вернадский, Альберт Эйнштейн, Марри Гелл-Манн и другие большие ученые. В наши дни серьезный интерес естествоиспытателей к глубинам религиозной проблематики продолжает нарастать.

Таким образом, подъем «новой религиозности» (по своим причинам в исламе, по своим – в христианстве, по своим – в мистике восточных религий) не только не удивителен, он в достаточной мере предсказуем. В этом плане несколько по-новому надо смотреть на такое уже вполне знакомое явление, как свободное мышление образованных людей, не связанное с какими-либо церковными догмами. Понятно, что это не официальный, насаждавшийся в СССР научный атеизм, который, несмотря на пышное название, был собранием довольно примитивных агиток и своеобразных коммунистических догм (типа «воинствующего материализма»). Нет, речь идет о том, что высокообразованный человек может проявлять интерес к духовным запросам, способен придерживаться норм высокой нравственности и морали вне каких-либо церковных институтов, вне каких-либо религий и конфессий, в размышлениях о Небе ему не нужен посредник. Вполне уместно назвать это явление *высоким атеизмом*. Отряд такого рода людей в науке и культуре впечатляюще велик, и он тоже нарастает. По известным причинам ныне публично объявлять себя атеистом «немодно», однако таких людей много, и мы отлично это понимаем. В современном обществе идут противоречивые процессы: вчерашние атеисты вовлекаются в лоно церкви, вчерашние «верующие» становятся откровенными вольнодумцами. В сущности, это нормальный процесс. Здесь важна мягкая и благоразумная политика церковей, представляющих основные мировые религии. Разумный и толерантный диалог различных церковей между собою, равно как их общий разговор с экуменистами и вольнодумцами (высокими атеистами) – неперемное условие здоровой в духовном отношении глобализации, без фанатизма, фундаментализма и крайностей. А главное – без убийства людей.

Рекомендуемая литература

- Андреев Д. Л. Роза Мира. М. : Тов-во «Калашников, Комаров и Ко», 1993.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Международные отношения, 1998.
- Гроф С. За пределами мозга. М. : Изд-во Трансперсонального ин-та, 1993.
- Кацура А. В. «Всемирная отзывчивость», или русский путь к глобализму // Век глобализации. 2008. № 1. С. 144–153; № 2. С. 129–141; 2009. № 1. С. 108–116.
- Кацура А. В. Планетарное человечество (Обрыв истории) // Биосферная совместимость. 2014. № 1(5). С. 28–37.

Кацура А. В. Современное конфуцианство: глобальные мотивы // Век глобализации. 2015. № 2. С. 183–189.

Кацура А. В. Горькое поле свободы // Историческая психология и социология истории. 2015. № 2. С. 108–116.

Кацура А. В., Мазур И. И., Чумаков А. Н. Планетарное человечество. На краю пропасти. М. : Проспект, 2016.

Katsura A. V. America and Russia: a Multipolar World as an Echo of Fear before Future Unification // Between Past Orthodoxies and the Future of Globalization (Contemporary Russian Philosophy). Leiden; Boston : Brill-Rodopi, 2016.